

★ ВЕРОНИКА КАСС

★ ПРОВЕРКА
на отцовство

16+

Вероника Касс

Проверка на отцовство

«Автор»

2022

Касс В.

Проверка на отцовство / В. Касс — «Автор», 2022

Миф о том, что во время грудного вскармливания нельзя забеременеть, сыграл со мной злую шутку. Моей дочери шесть месяцев, на тест-полоске светится “3+” недель беременности, а будущий папа даже не догадывается о таком сюрпризе.

© Касс В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Вероника Касс

Проверка на отцовство

Глава 1

Погладила по щеке уснувшую на груди дочь – девочка все еще всхлипывала после долгой истерики. Прижала ее к себе крепче, а второй рукой потянулась за телефоном. Быстро нашла номер Артема и, дав себе всего пару секунд, чтобы собраться, все же нажала на вызов.

– Что опять? Лесь, я же говорил, в этом месяце у меня голяк, – вместо приветствия выпалил бывший, и кто бы знал, насколько сильно мне захотелось в этот момент бросить трубку.

Я не общалась с ним три месяца, так что понятия не имела, о чем он говорил. Артем соизволил увидеть свою дочь второй раз в жизни, когда Марише было два с половиной месяца, решив, что у нее день рождения.

– Я не знаю, кому ты все это говорил, Артем, – зашептала я, боясь разбудить Мариночку, ее сон был и так тревожным. И неизвестно, проспит ли она хотя бы час, – Но мне нужна помощь.

– Лесь, прости, но я никак. У меня голяк, говорю же.

– Господи, Вавилов, хочешь, я сама тебе на карту денег переведу? Просто съезди в аптеку.

Из трубки доносились звуки музыки и галдеж людей. Я прикусила губу, лишь бы сдержаться.

– Ты издеваешься? Куда я на ночь глядя поеду?

– У Мариши температура...

– Ну, вызови врача, – раздраженно ответил он, а я совершенно искренне пожелала, чтобы у таких, как он, никогда не рождались дети. Когда мы познакомились на первом курсе, сразу после поступления, он показался мне принцем. Только вся эта дымка рассеялась очень быстро, после того как этот недочеловек дал денег мне на аборт.

Я тихонечко, чтобы не разбудить дочку, всхлинула и максимально четко произнесла:

– Скорая приезжала, сказали, что у Марины такая реакция на зубки. У нее лезет первый зуб, представляешь, Тем, – выпалила я и тут же осеклась. Ему это было неинтересно. – Они сказали дать ей жаропонижающее – я дала. И нужно еще помазать десны. А у меня нечем. Не идти же мне с Маришкой в аптеку?

– Почему нет?

– У нее температура! – Дочь всхлинула, и я тут же начала говорить тише: – Как ты себе это представляешь? Мне что, больного ребенка тащить за мазью в аптеку?

– Я не могу понять, эта мазь настолько обязательна?

– А я не могу понять, тебе что, трудно съездить в аптеку? – Прижав телефон к уху, я быстро смахнула слезинку, скатившуюся по щеке. – Эта мазь обезболит Марине десенки, и она спокойно будет спать. Так сказал врач, – я устало вздохнула от этого бессмысленного диалога.

Глянула на часы: Карина сегодня до четырех утра на работе. Значит, помощи до утра нам ждать больше неоткуда. Уже хотела положить трубку, когда этот человек, в которого я была когда-то влюблена, добил меня окончательно:

– Она чего, не перетерпит без этой мази, что ли? Раньше вообще не было подобного. И ничего, наши родители как-то справлялись.

Я просто скинула вызов, ничего ему не ответив. Чтобы успокоиться, поцеловала Маришу в лобик и втянула в себя ее сладкий молочный запах.

– Ничего, родная. Газики пережили, переживем и зубки, – шепнула и тут же покачала ее, скорее по инерции.

Может, Артем и прав, раньше же как-то переживали. Поношу ее на руках, если что, всю ночь, а утром и мазь подоспеет. Набрала подруге.

– Я была права: зря звонила, – без приветствий устало протянула, с трудом сдерживая новую порцию слез.

– Вот же гаденьш! – воскликнула она и через пару секунд игривым тоном добавила: – Продержитесь без меня до утра, мои кошечки. Крестная Кариша уже сбегала на перерыве и купила нужную мазь. И любимую пюрешечку моей морковочке тоже взяла.

– Морковь для морковки, – усмехнувшись, ответила ей, – спасибо. Сейчас Мариша спит – я думаю, жаропонижающее подействовало. Будем надеяться, что я зря панику подняла, – подбодрила я скорее Карину, чем себя, потому что прекрасно понимала: бессонная ночь обеспечена и Марише, и мне, и соседям.

– Кстати, знаешь, кто сегодня здесь отдыхает? – загадочно протянула подруга, пока я смотрела на подрагивающие темные реснички моей малышки.

– Не знаю, но ты, конечно же, хочешь со мной поделиться, – тихо усмехнулась.

– Тот самый мужчина, помнишь? Два месяца назад, – зашептала подруга, и я прикрыла глаза, чувствуя, как к щекам прилила краска. – Он один здесь, все сидит и кого-то высматривает. Я буду обслуживать его столик и, если он расплатится картой, зафиксирую в памяти его фамилию. Можешь не благодарить.

– Успокойся уже, – шепнула я, но в этот момент Марина скривилась и, не открывая глаз, заорала.

– Ох, это она так верещит? Елки-моталки... А что, если...

– Все, давай, – перебила я подругу и кинула телефон на диван.

– Тише, тише, моя хорошая, – поднялась и начала укачивать дочь, напевая ей одну и ту же колыбельную по кругу. – Лунные поляны. Ночь, как день, светла... Спи, моя Светлана. Спи, как я спала.

Мариша почти сразу затихла, но стоило мне только присесть на диван, как дочь заголоваила опять, словно чувствовала разницу, стою я с ней на руках или сижу. Мысли положить ее в кроватку даже не возникало, все это мы проходили с газиками. Спали только столбиком на мне и никак иначе.

Потрогала лобик – он был теплым, и я поняла, что действие жаропонижающего еще не прошло. Опять попробовала сесть, и на этот раз получилось. Подложила подушку под локоть, чтобы ослабить вес дочери. Так и уснула.

Проснулась резко, открыла глаза и встретилась взглядом с Кариной. Миниатюрная брюнетка сидела на краю дивана и с улыбкой махала передо мной мазью.

– Пережили? – шепнула она.

– Ага, – кивнула ей и попробовала переложить Маришу с рук, с замиранием сердца ожидая, проснется дочь или нет, но девочка лишь перевернулась на бок и продолжила спать, а я легонько поднялась с дивана и пошла на кухню.

– Чай будешь? – спросила, набрав воды в чайник.

– Нет, спасибо, Лесь, – подруга присела на стул и потянулась, – спать хочу, жуть просто. У меня к тебе новости, – широко улыбнулась она, демонстрируя свои ямочки на щечках, – Я все же раздобыла фамилию того красавчика, с которым ты тогда уехала.

– Карин, успокойся. Это было один раз и никогда больше не повторится.

– Конечно, не повторится, если ты и дальше так же будешь сидеть дома сутками напролет.

– Карин!

Чайник щелкнул, и я насыпала в чашку две ложки гранулированного кофе. Мне еще нужно было поработать. Пять утра – чем не время?

– Что Карин? Марише пора искать папу. Нормального папу, Лесь.

– Карин! – повторила я свое предупреждение и подняла чайник.

– Ну, тут я согласна, он не вариант. У него такая же фамилия, что и у нашего недопаши, фу, – поморщилась Карина. Так она говорила лишь об Артеме. – Глеб Вавилов. Такой экземпляр и практически брак... Эй! Ты что творишь? – крикнула девушка и подскочила ко мне, а я только сейчас поняла, что разлила кипяток по всему столу. Как еще не ошпарилась – удивительно.

– Кариш, а ведь у Артема есть старший брат, – задумчиво протянула.

– Да ну? Сколько в Москве однофамильцев, Лесь. Глупости не бери в голову. Ладно, я пойду.

Брюнетка чмокнула меня в щеку и покинула мою квартиру. Она сама жила в соседней, а я села за стол и попыталась воссоздать в голове красивые черты незнакомца, который и должен был остаться таковым навсегда. И даже представить не могла, что неделю спустя я буду разыскивать его по всей Москве.

Глава 2

Наутро во рту Мариши я нащупала уголок появившегося зубика, а на следующий день соседнего, и в итоге уже через пару дней дочка улыбалась больше не беззубой улыбкой, а целой двузубой. Марине очень понравилось ее новое приобретение, и всю следующую неделю она только и делала, что оттачивала свое мастерство кусать меня во время кормления.

– Ай, – шикнула я и легонько надавила ей на щечку, – не делай так больше, Мариш. Мама невкусная.

Дочь, показывая, что не согласна с таким утверждением, хлопнула на меня своими серо-голубыми глазами, которые, скорее всего, еще не потемнели.

– Милая, у мамы только молоко вкусное, сама мама нет, – усмехнулась я и начала покачивать дочь.

С вводом прикорма Мариша стала пить молоко только перед сном, а спала она два раза в день, так что дневные кормления у меня сократились, чего не скажешь о ночных. Кто-то говорил, что в полгода ребенок может уже спокойно перейти на смесь, ведь в материнском молоке все самое важное живет лишь до четырех месяцев, но я этого не представляла от слова совсем, Мариша не пила из бутылочек даже воду. И никогда не сосала соски. Вот такая она у меня особенно вредная девочка.

– Ай, – я приглушила стон, потому что на этот раз Мариша прикусила меня, уже уснув.

Дочь насытилась, и я осторожно переложила ее в кроватку. Защелкнула специальный бюстгальтер для кормления, который странным образом стал мне мал, запахнула халат и ошупала грудь. Она определенно стала больше, почти такая же, как в первую неделю после родов, но тогда у меня прибыло столько молока, что и десятерым младенцам хватило бы.

Поставила чайник и включила ноутбук: нужно было ответить на сообщения и наконец-то разобраться с завалом заказов. От своего графика я отставала на три брошки – значит, нужно ускориться. Быстро ответила на все входящие и, поставив поближе к себе чай, открыла чемоданчик со своим богатством.

– Та-а-ак, – протянула я, – с чего начнем: лисичка или букетик? Начнем с лисички.

Поговорив сама с собой, достала картон, нарисовала на нем очертания будущей брошки, сделав заготовку. Движения были отточены, я зарабатывала себе этим на жизнь уже больше года, но все равно каждая новая брошка была для меня особенной и непохожей на предыдущую, даже если я повторяла какую-либо из них. Я разложила на столе бусины и стразы, пакетики с бисером, стеклярусом и пайетками, размышляя, какие именно мне понадобятся, и ушла в процесс с головой.

Когда дочь проснулась, лиса была вышита лишь наполовину, но я все равно была довольна своей скоростью.

– Ну что, перекусим сейчас любимую морковь и гулять? – улыбнулась дочери, доставая ее из кроватки. Мариша крутилась и пыталась присесть, что выходило у нее пока далеко не идеальным образом.

Так и проходили наши с ней дни. Куда бы я ни ходила, даже на почту – отправить заказы клиентам, то только с дочерью. Что бы ни говорила Карина, но я не представляла своей жизни уже по-другому. Возвращаться к учебе пока не было никакого желания, я лишь надеялась, что к тому моменту, когда придет время садика, я передумаю и все же решу продолжить обучение. Не зря же говорят, что в наше время без бумажки никуда. В этом была доля истины.

Заперев свою дверь, я позвонила в соседнюю. Карина открыла почти сразу же.

– Мы гулять. Хочешь, подождем тебя на улице?

Лохматая брюнетка зевнула и тут же закивала.

– Сейчас, пять минут – и я спущусь.

На первом этаже я подхватила коляску, которая все время стояла именно там и, слава богу, никому не мешала, а затем с трудом, держа Маришу одной рукой, а коляску второй, но все же выбралась на улицу.

Несмотря на то, что время солнцепека уже прошло, было все равно жарко. Я достала из спортивного рюкзака панаму для дочери и кепку себе, а затем закинула его в подвесную сумку на коляске. В этот момент из подъезда выбежала Карина.

– Ты быстро.

– Умылась, прическу сделала и в путь, – рассмеялась подруга, разговаривая явно не со мной. Она смотрела лишь на Маришу и корчила перед ней всякие рожицы. – Какая-то морковочка сегодня грустная.

– Она просто до конца еще не проснулась, – отмахнулась я и вывернула коляску на дорожку.

– Слушай, Лесь, а ты уже все-все-все ешь?

– Да, давно уже, даже шоколадки по чуть-чуть. Уже месяц, а что?

– Ничего, – отвела взгляд в сторону подруга.

– Карина!

– Ну просто ты опять поправились. После родов как щепка была, только грудь большая. А сейчас вон, животик, – она хмуро посмотрела в район моего живота, который действительно слегка стал выделяться. – Так не пойдет.

– Карин, успокойся. Я просто, наверное, мало двигаюсь. А может, гормональный сбой. И такое бывает. У меня грудь вообще разбухла, словно я только родила, – произнесла недовольно и тут же улыбнулась своей малышке. Она не любила недовольную маму. И не дай бог мне при ней заплакать. Тогда уже будет плакать сама Мариша, да так, что никто не успокоит.

– Лесь, а ты не думала, что...

– Что? – резко повернулась к подруге.

– Ну, что ты опять того. – Карина качнула головой, по-прежнему глядя на мой живот.

– Что того?

– Ну того. Опять беременна?

– Сплюнь! И по голове себе постучи. Боже, Карин, как тебе такие глупости в голову только приходят?

– Ну смотри... Грудь, живот... Что там еще?

– Не знаю я, что еще. У меня с Маришей вообще никаких симптомов не было, сама же знаешь. Все, проехали.

Подруга кивнула и действительно перестала развивать эту тему, а вечером она пришла ко мне в гости – как обычно, без приглашения – и положила передо мной на стол упаковку с тестом на беременность.

– Ты издеваешься? – Я посмотрела на коробку с дорогим струйным тестом как на бомбу, причем не замедленного действия, а ту, которая именно сейчас взорвется и разрушит не только меня, но и весь наш многоквартирный пятиэтажный дом.

Предположение Карины было сумасшедшим, потому что со мной никак не могло такого случиться. Я же кормила грудью. У меня по-прежнему не было критических дней. И близость с мужчиной была лишь единожды. Да, незащищенная, по моей же глупости. Но, как говорится, снаряд не падает дважды в одну воронку. Ведь так?

– Иди делай, – повелительно произнесла подруга, склонившись надо мной.

– Если только для того, чтобы ты от меня отстала, то ладно, – съехидничала я, схватила упаковку, достала из нее тест и пошла в туалет.

На самом деле я не злилась на подругу, это была просто самозащита. Мозг даже рассматривать подобный вариант не хотел.

Потому что я не могла быть беременна.

Никак не могла.

Ведь я же не смогу. Если с одним ребенком еще можно справиться в одиночку, то с двумя – никак. Тут же тряхнула головой, прогоняя эти идиотские мысли, и все же распечатала пакетик с дорогим тестом.

Глава 3

Закрывает тест колпачком и вышла из туалета, рассматривая табло. На нем светились песочные часики.

– Думает он, – хмыкнула я и вернулась на кухню, – на, дарю, – положила тест перед подругой и опустила на пол. Там, на игровом коврик, дочь изучала коробку от того самого теста. – Ты зачем ей его дала?

– Она начала хныкать, когда увидела твою спину, – пожала плечами Карина, внимательно рассматривая тест.

– Маришь, может, отдашь каку? – Дочь удивленно на меня посмотрела и тут же потянула картонку в рот.

Ну уж нет. Быстро схватила нерабочий пульт от телевизора и положила его перед малышкой, отвлекая. Выхватила упаковку и тут же отправила ту в мусорку.

Марина даже не заметила. Пульт был ее любимым увлечением. Ради него она научилась ползать, пока еще по-пластунски, но все же в пять месяцев это был почти подвиг. Я выкладывала перед ней разные яркие игрушки, дочь их разглядывала, но не выказывала никакого желания добраться до них, а стоило мне сесть на диван и случайно положить рядом с собой пульт, как серые глазки Мариши зажглись огоньком интереса и она подтянулась на ручках вперед. Тогда на ней были оранжевые ползунки и зеленая повязка, а Карина сидела с другой стороны дивана. Собственно, после этого памятного дня крестная моей дочери и стала называть ее морковочкой. Я так и не поняла аналогии, кроме цветовой, но разве же Карину кто-нибудь хоть в чем-то переубедит?

– Ле-е-еська, твою ж налево! – ошарашенно протянула подруга, и я тут же подскочила с пола, крутанулась на пятках и выхватила тест из ее рук.

В глазах в один момент все побелело, и я начала часто-часто моргать.

Чтобы развидеть.

На тесте было написано «Беременна» и строчкой ниже «три плюс».

– Он поломан, – произнесла сразу же, как ко мне вернулась возможность думать. – Ты принесла бракованный тест. Зачем вообще было брать такой дорогой?

Я тут же вернулась к мойке и, открыв дверцу под ней, выкинула тест в мусорку. После этого даже смогла вздохнуть полной грудью.

– Лесь, ты чего? Он же самый точный. Видишь, даже срок тебе показывает. – Карина захлопала своими пушистыми черными ресницами, а я, кажется, начала дрожать.

– Там написано три плюс. Понимаешь? Я никак не могу быть беременна три недели. Если я... – во рту пересохло, я даже чисто гипотетически не могла произнести это словосочетание вслух. Да я и про себя его даже произнести не могла! – Если я вдруг что, то срок был бы больше, намного больше. Недель шесть, не меньше.

– Олесь, ты чего? Будь у тебя хоть двенадцать недель, тест бы все равно написал три плюс. Он же для раннего определения, там и вариантов-то всего ничего. – Подруга начала загибать пальцы: – Одна-две, две-три и три плюс, – она еще что-то говорила, а я смотрела на ее тонкие пальцы с красным гель-лаком на коротких ногтях и думала.

Какого черта?

Никогда не любила красный цвет, но в тот вечер именно он меня и привлек. Я сама под села за столик к красивому брюнету в поло приглушенно-красного цвета. На вид ему было около тридцати, слегка небритый, с цепким взглядом, твердой линией подбородка и упрямо поджатыми губами. Весь его вид говорил о том, что он не желает ни с кем общаться. Но его поло... Я не смогла устоять. Мужчины нечасто носили такой цвет, и еще реже они выбирали его правильно. Этому загорелому смуглому брюнету однозначно шла его дорогая одежда. Поло

было сшито из первоклассного льна, это я оценила, когда нагло стаскивала вещь с Глеба. К тому моменту, как мы оказались в гостинице, он успел представиться. Менеджер среднего звена, который устал после выкрутасов большого директора и зашел отдохнуть в ближайший бар.

Менеджер среднего звена оказался потрясающим любовником – настолько, что защита не выдержала нашего страстного напора и порвалась. Я пообещала выпить специальные таблетки, успокоив этим мужчину как раз в тот момент, когда собирала с пола нашу разбросанную одежду. На вещи из красного льна сзади, сразу под воротничком, красовалась вышитая надпись *Vigioni*. «Вот тебе и менеджер среднего звена», – отстраненно подумала я и поспешила оставить мужчину одного. С Маришей сидела Карина, но все же оставлять дочь на целую ночь было для меня слишком.

Еще *слишком* для меня стало найти в интернете цену на ту самую футболку-поло – сорок две тысячи рублей. Пятьсот двадцать евро. Я почти захотела стать менеджером среднего звена, но так и не выпила специальные таблетки. Я их купила. Прочитала инструкцию и целые сутки никак не могла решиться. Ведь пришлось бы отстранить Маришу от груди почти на двадцать четыре часа.

Я не представляла: как?

Как можно не дать ей молочка, когда она просит и когда оно ей так необходимо. Проплавав полдня, я закопала таблетки поглубже в аптечку, решив, что ничего страшного не случится. Ведь я кормила Марину грудью, а значит, моя маленькая слабость обойдется.

Не обошлась.

Я беременна. Опять.

Накрыла лицо ладонями и разрыдалась – кажется, только в этот момент до меня окончательно дошло, что ребенок уже есть и этого никак не изменить, остается лишь смириться и принять.

Сквозь собственные громкие рыдания я услышала вопль и тут же подняла с пола дочь, прижала ее к груди и попыталась успокоить, но ни черта у меня не получалось, потому что меня саму трясло от рыданий. Я пыталась заглушить всхлипы, но слезы текли, не останавливаясь.

– Тихе, тихе, маленькая – прошептала дрожащими и солеными от слез губами, – Все хорошо, мама больше не плачет. Все-все, – начала целовать ее в макушку, успокаивая, и почувствовала, как к нам подошла Карина. Подруга обняла нас.

– Ну хватит ныть, чего вы, – произнесла она, сама при этом всхлипывая. – Не знаю, как вы, а я пацана хочу. Морковочка-то у нас уже есть.

Глава 4

– Уснула? – шепнула Карина, заглянув в нашу с дочерью комнату. Я кивнула и продолжила качать давно успокоившуюся Маришу. – Тогда переключай ее быстрее в кроватку и иди сюда.

Я прикрыла на пару минут глаза, восстанавливая дыхание, сердце до сих пор билось как сумасшедшее. Переложив дочь, накрыла ее одеяльцем и пошла на кухню. Подруга ждала меня с чаем и конфетами.

– Ешь. Хоть успокоишься.

– Ты же знаешь, мне много нельзя, вдруг у Марины будет сыпь? – Я присела на стул, избавила конфету от фантика и, положив ее в рот, не почувствовала никакого вкуса.

Мы молча выпили чай. Карина ждала от меня готовности к диалогу. Мы с ней дружили с детского сада, и я знала ее лучше, чем себя, сейчас подруга хотела со мной чем-то поделиться. Очень хотела.

– Ну, Кариш? – спросила, отставив кружку.

– Я загуглила этого Вавилова, – спокойно произнесла она и, не встретившись с моей негативной реакцией, продолжила: – Еще тогда, – осторожно шепнула Карина, и я не выдержала:

– Ну, не тяни уже.

– Ну-у-у, я сразу же нашла его. О нем даже страничка в википедии есть.

– Ты сейчас издеваешься надо мной?

– Ну он не менеджер среднего звена, Лесь, – Карина развела руки в сторону и виновато на меня посмотрела, словно открыла для меня сейчас истину.

– Я поняла, – кивнула как болванчик, – по футболке за сорок тысяч поняла.

– Ну... – Подруга сложила ладони домиком и, сморщив нос, продолжила: – Это что-то он продешевил. Я думала, такие надева...

– Стой! Стой, – затрясла я головой, облокотилась о стол и спрятала лицо в ладонях, – то есть найти его не проблема? – приглушенно произнесла я.

– Нет. В инете про него много инфы и фоток всяких. С блондинками и без...

– Карина.

– Вообще, есть очень много фотографий с матерью. Для его возраста это...

Я перестала слушать подругу. Уловив нужную информацию, протянула руку к мышке. Ноутбук всегда стоял на обеденном столе, не выключаясь, экран загорелся и, поймав мое лицо на камеру, разблокировался, а я, зайдя в поисковик, тут же вбила «Глеб Вавилов».

Карина замолчала и чуть наклонилась, чтобы видеть, какие именно страницы я просматриваю. Я же искала его фотографии с матерью. Потому что как ни крути, но Глеб и Артем могли бы быть братьями: один и тот же типаж, цвет волос и глаз, крупные черты лица. Глеб, правда, был намного шире и мускулистее Артема, но, опять же, это возраст.

Увидела Вавилова в обнимку с женщиной средних лет и с легкостью выдохнула. Прикрыла глаза, чувствуя, как кружится голова от облегчения. Женщине было около пятидесяти – брюнетка с вьющимися волосами и серьезным взглядом.

Мать Артема выглядела иначе. Я видела ее единственный раз в жизни и больше не хотела. Надменная, расфуфыренная и худющая, как щепка, мадам неопределенного возраста. Сзади ее можно было принять за юную девушку, спереди на вид ей было не больше тридцати, но вблизи становилось понятно, что лицо Вавиловой натянуто до безобразия. И никакие косметологи не были в силах сделать из нее двадцатилетнюю девушку, каковой ей хотелось быть.

– Они не братья, – сиплю протянула я и тут же хлопнула крышкой ноутбука, чтобы не пилиться больше на лицо мужчины, с которым мне посчастливилось провести ночь.

– Ну, я это еще тогда поняла, – устало произнесла подруга. – Этот Глеб потерял отца, когда ему и двадцати не было, и взялся тогда за управление бизнесом. У него несколько торговых центров в собственности, сеть кинотеатров, ресторанов, развлекательных...

– Я поняла, Кариш, я все поняла. Артем там и рядом не стоял, как минимум по уровню ответственности. А мы с тобой так и не валялись вообще, – усмехнулась я и растерла глаза, пытаясь понять, что делать дальше. Выдохнула и, как всегда, попросила помощи у подруги: – Ты когда следующий раз днем отдыхаешь?

Карина на лето устроилась официанткой в бар. У нее не было отца, лишь мать, которая самостоятельно тянула подругу и ее младшую сестру. Кристине в следующем году предстояло поступление, и ее семья копила деньги для этого уже сейчас.

Как только Карина смогла присмотреть за Маришей, я сделала УЗИ, которое подтвердило беременность. Срок был немаленьким – десять акушерских недель или восемь от зачатия, можно было становиться на учет. Станным образом, даже услышав удары сердечка своего малыша, я не смогла до конца поверить в то, что все происходящее правда. Анализы пришлось сдавать вместе с Мариной, и, в общем-то, ничего не поменялось. Я чувствовала себя как обычно и почти никогда не клала ладонь на слегка выпирающий живот. В первую беременность мои руки постоянно находились именно там, а сейчас все воспринималось по-другому или же не воспринималось вовсе.

Я нашла координаты головного офиса Вавилова и даже записалась к нему на прием. На сентябрь. После чего расслабилась, словно оттянула неизбежность до осени. Мне стало чуточку легче. Карина меня ругала и убеждала, что связаться с Глебом нужно раньше. Я все это понимала, осознавая, что, как бы оно ни было, мужчина должен знать. А дальше сам принять решение, но сообщить ему я была просто обязана. Я это понимала, но все равно жутко боялась. Не представляла, что и как ему скажу. Да и разве сообщают о беременности предполагаемым отцам настолько поздно? Да и узнает ли он меня вообще?

На этом месте в своих размышлениях я всегда спотыкалась и садилась вышивать брошки. Я нагребла себе кучу заказов и работала все свободное время, не понимая, какую цель преследовала в первую очередь: накопить как можно больше денег или просто занять чем-то голову, чтобы не думать о том, что ждет меня и Марину дальше.

На двенадцатой неделе мне назначили плановое УЗИ, на котором обычно проверяют плод на отклонения. Возможно, лишь к тому моменту я окончательно поняла, что во мне теперь развивается еще одна жизнь. А возможно, это был гормональный всплеск или что-то похожее на него, но я решила, что тянуть больше нельзя. В очередной раз оставила Маришу с Кариной и отправилась по адресу, который выяснила. Только встретиться с Глебом оказалось намного тяжелее. Мне не было хода не то что в его кабинет, но даже на нужный этаж – лифт открывался лишь по пропускам. Я прикусила губу, радуясь, что под конец рабочего дня в кабине никого не было и никто не видел, с каким убийственным отчаянием я давила на нужную кнопку. Посмотрела на лифтовую панель и нажала на минус третий ярус.

Створки лифта разъехались без проблем, пропуская меня на подземную стоянку. Я почти обрадовалась, ведь я уже видела однажды автомобиль Вавилова. Решительно переступила порог лифта и тут же растеряла весь свой настрой. Машин на парковке было больше, чем я ожидала. Намного больше. Да и не факт, что у Глеба всего одно-единственное транспортное средство. Лифт позади меня закрылся, и я вздрогнула. Глянула на часы: у меня был еще целый час в запасе.

– Ну что ж, приступим, – пробубнила себе под нос и отправилась на поиски знакомой машины.

Глава 5

На удивление, машину Глеба, я нашла очень быстро. На стоянке было холодно, и руки начали подрагивать, но скорее от опаляющего душу ужаса. Обняла себя за плечи и посмотрела на глянцево-чёрный внедорожник, прикусив губу. Даже вид автомобиля вызывал во мне страх. Слишком дорогой и безупречный, такой же, как и его владелец.

Задумавшись о том, как я могла быть такой беспечной, лишь в последний момент услышала шаги за спиной.

Тут же оглянулась и почувствовала, как внутри все задрожало: мужчина был не один, он приблизился к своему транспорту вместе с обворожительной блондинкой.

– Глеб, простите, но мне срочно нужно с вами поговорить, – выпалила, не давая себе шанса передумать, – наедине, пожалуйста.

Мужчина пожал плечами и, указав мне ладонью в сторону, пошел следом за мной.

– Я беременна, – шепотом произнесла, опасаясь, что ещё пара секунд – и моя решимость окончательно растает.

– Поздравляю. А я при чём? – нахмурился мужчина и серьезно на меня посмотрел.

– Вы... Ты же знаешь... Есть вариант, что тогда... – Я облизала губы и отвела взгляд. У меня не хватило сил произнести это вслух. – Я решила, что ты должен знать. Безопасный тест на определение отцовства очень дорогой, и мне он без надобности. Но если ты все же решишь, то уже можно, – посмотрела на мужчину и, сглотнув, закончила свою речь, окончательно теряя внутренние силы от перенапряжения: – Срок позволяет. Извини, что отвлекла, – кивнула в сторону блондинки и поспешила к лифтам, лишь бы быстрее скрыться от тяжелых взглядов Глеба и его спутницы.

Оказавшись в кабине, я поняла, как по-глупому все это вышло. Его слова: “А я при чем?” – эхом звенели в моей голове. Господи, а вдруг он и правда меня не узнал? А я несла какую-то ахинею, не сумев связать и пары слов. Надо было заранее заготовить речь. Только вот я была уверена, что хоть заучи я ее до того состояния, что слова отлетали бы от зубов, я бы все равно их забыла, встретившись с внимательным взглядом Глеба.

Он был совсем другим. И его взгляд, и сам мужчина.

Домой добралась в каком-то полубессознательном состоянии, как механическая кукла. Все видела, все понимала, но ощущение реальности происходящего отсутствовало напрочь.

– Ну как? – с волнением спросила Карина, держа на руках Маришу. Я, не разуваясь, прошла в комнату и упала в кресло.

– Даже слов подобрать не могу, Карин, чтобы описать...

– Все было настолько плохо?

– Мне кажется, он меня не узнал, – выдохнула и зажмурилась, лишь бы забыть слова, которые словно на репите крутились в моей голове раз за разом.

– Ну, оно и неудивительно, – усмехнулась Карина и беззлобно меня поддела: – Ты бы хоть накрасилась.

– Не преувеличивай, Кариш.

– Ладно-ладно. Все, давай успокаивайся и иди мой руки. Вот морковочка вся извелась, к маме на ручки хочет.

Я приоткрыла глаза и усмехнулась: доча внимательно за мной наблюдала и словно подбадривала своим взглядом. Я разулась, подняла босоножки и пошла в коридор, по пути чмокнув свою девочку в сладкую щечку.

– Лесь, а что ты ему в итоге сказала? Номер оставила или что?

Обувь выпала из рук, а я рассмеялась, словно ненормальная. Казалось бы, ну куда еще хуже? Но моя глупость превзошла все возможные границы.

– Ка-кариш, – сквозь смех я попробовала объясниться, – а я... Я ничего ему не сказала. Позже, когда глупый смех прошел, я проводила подругу, покормила и искупала Маришу, уложила ее спать и легла рядом с ней. Мне не хотелось подниматься с дивана, вставать и идти вышивать, делать что-либо.

Мне хотелось закрыть глаза и просто расплакаться оттого, что все мои усилия насмарку. Груз неопределенности и понимание, что я все же должна поставить Глеба в известность, давили на меня. И я так надеялась, что хоть одной проблемой станет меньше. Но нет же. Только зря переволновалась.

Положила ладони на свой маленький животик и расслабилась. Вот таким странным образом и сбываются детские мечты. Когда мы жили вдвоем с бабушкой, я мечтала о большой семье, смотрела на подругу и ее сестру и все время как мантру повторяла, что у моих детей тоже будут братья и сестры. Доповторялась.

Так и уснула – в домашней одежде, неукрытая и с ладонями на животе, а Мариша впервые за долгое время проспала до пяти утра, словно специально давая мне отдохнуть. Она быстро насытилась и заснула опять, а я нехотя поднялась с запроваженного дивана, разгладила покрывало и поплелась в ванную.

К приходу Карины я вышла брошь цветочком, она была несложной, а потому я справилась с ней достаточно быстро.

– Сегодня у нас пшеничная кашка, – дала указание подруге, обуваясь, – где лежит, ты знаешь.

Выпрямилась и поцеловала ее в щеку. Выбежала из подъезда, надевая солнцезащитные очки, и словно в невидимую стену врезалась.

Если знакомую машину можно было принять за всего лишь похожую, то уж мужчину, стоящего рядом с ней, невозможно было спутать с кем-либо другим.

Сегодня он выглядел значительно проще, на нем не было вчерашнего костюма. Потертые светлые джинсы и в тон им голубая футболка; загорелые мускулистые руки были сложены на груди, а взгляд спрятан за солнцезащитными очками с коричневыми стеклами, удивительным образом сочетающимися с цветом волос мужчины, которые на солнце отливали медью.

Я встала как вкопанная, больше всего на свете желая вернуться обратно. Спрятаться в своем укрытии и засесть в подъезде до последнего. Даже слегка качнулась на пятках, словно приготовилась к низкому старту, и лишь потом опомнилась. Сделала несмелый шаг в сторону мужчины, затем еще один и еще.

Глеб кивнул мне и, полуобернувшись, приоткрыл дверь пассажирского сиденья:

– Садись, поговорим, – спокойно сказал он, тогда как у меня зуб на зуб не попадал от волнения.

– П-прости, – слабо промямлила и тут же, мысленно обругав себя, сжала кулаки, призывая себя к спокойствию, – но у меня запись на УЗИ, и я боюсь опоздать.

Руки мужчины напряглись, мышцы словно одеревенели – это было хорошо заметно по его широким плечам, но лицо Глеба по-прежнему не выражало ничего лишнего. Еще и эти чертовы очки, за которыми не было видно его взгляда.

– Садись, – повторил он уже более настойчиво, все еще держа дверь распахнутой, – разберемся.

Я слабо кивнула и все же села в машину, всем своим естеством надеясь, что ничего плохого за этим не последует.

Ведь что он может мне сделать? И вообще, почему я так сильно его боялась? Да, я виновата. Но, в конце концов, не я одна.

Сжала ладонями колени и начала считать про себя до пяти, пытаясь успокоиться. Вавилов захлопнул дверцу машины, словно закрывая меня в клетке, и сердце пропустило удар.

Глава 6

Глеб сел на водительское кресло и повернулся ко мне.

– Почему ты боишься? – спросил он, понизив голос, словно решил напугать еще сильнее.

Да что ж такое-то?

Я зажмурилась и замотала головой.

– В прошлый раз ты была намного смелее, – он усмехнулся, и я все же распахнула ресницы. Мужчина меня внимательно рассматривал. Его карие глаза сейчас отливали зеленым по краю радужки и абсолютно ничего не выражали. – Я так понимаю, таблетка не подействовала? – произнес он спокойно, чуть прищурив глаза.

А я кивнула. Как дурочка. Смотрела на него, должно быть, как кролик на удава, потому что не в силах была отвести взгляд и разорвать наш зрительный контакт, и кивала. Второй кивок головы, третий.

Что же я творю?

Нужно было срочно разомкнуть губы и поправить его, но слова застряли где-то в горле и не желали появляться наружу.

– Ладно, – Глеб отвернулся и завёл машину, – говори, куда ехать.

Я быстро назвала ему адрес своей женской консультации и, слава богу, не запнулась при этом.

Стоило машине только припарковаться, я сразу же выскочила из нее. Глеб нагнал меня на козырьке, взял за плечо, сжав его крепко и в то же время осторожно.

– Неужели ты настолько опаздываешь?

– Глеб, прости. Это все так странно. Я и так волнуюсь, на первом скрининге проверяют плод на отклонения, на синдром дауна. И... – Я бессильно взмахнула руками и опустила их вдоль тела, смотря при этом вниз, на свои пальчики, выглядывающие в босоножках, и носки белых кед Вавилова. Казалось, что мужчина надел их впервые, настолько белоснежными они были.

Глеб взял меня за подбородок, приподнимая мою голову и вынуждая смотреть ему в глаза.

– То есть ты действительно беременна? – Я кивнула, в который раз чувствуя себя кроликом, таким же белым, как обувь этого мужчины. – От меня? – он продолжил свой вкрадчивый допрос, и я опять кивнула.

А что ещё оставалось делать? До него, видимо, не дошло с первого раза. Да и неудивительно это.

– Встали тут, – нас прервал недовольный окрик женщины средних лет, вышедшей из здания, – не пройти, не проехать, – возмутилась она, поправляя короткую и обтягивающую пеструю майку на огромном животе. Женщина спустилась с лестницы и, сделав буквально два шага в сторону, достала из сумки пачку сигарет. Ненормальная.

– Ладно, пойдём. – Глеб отпустил мое лицо и открыл передо мной дверь в здание поликлиники. При этом посмотрев на беременную женщину таким уничтожающим взглядом, что будь я на ее месте, вышвырнула бы сигарету и тут же разучилась бы курить.

Мужчина пропустил меня и безмолвной тенью следовал за мной шаг за шагом по узкому и тесному коридору. У знакомого кабинета сидели две женщины, одна совсем худенькая, а вторая на позднем сроке беременности.

– У вас на сколько? – я решила выяснить своё место в очереди, тогда как Глеб внимательно оглядывался по сторонам.

– Я жду результатов, – откликнулась девушка с животом.

– А у меня на восемь тридцать, – вторила ей другая.

Я кивнула и прислонилась к стене, у меня был талон на девять, а сейчас было уже без пяти.

– И что? – мужчина шепнул мне на ухо. – Будешь ее пропускать несмотря на то, что у тебя талончик на девять?

– Но у нее же он раньше – значит, буду, – пояснила ему прописную истину и прикусила губу: мне внезапно стало смешно.

Ещё пару минут назад уверенный и внушающий трепет одной только своей энергетикой мужчина теперь смотрелся до безобразия глупо. Он не вписывался в такую обстановку. От слова совсем.

Мы простояли в очереди ещё полчаса, я досконально изучила всю информацию на стендах, а Глеб только и делал, что постоянно поглядывал на часы.

– Если ты так срочно хочешь поговорить, можешь подождать меня у себя в машине, – шепнула ему после того, как мужчина в очередной раз, поджав губы, посмотрел на запястье. – А лучше давай вообще позже встретимся. Это надолго.

– Что значит надолго? Мы следующие.

– После этого нужно еще кровь сдать. А там живая очередь, не меньше часа, – я не стала его поправлять, что не “мы” следующие, а “я”, думала, что это очевидно.

– Час? – заторможенно повторил он за мной.

В этот момент дверь приоткрылась и из кабинета вышла худенькая девушка, а показавшаяся за ней следом медсестра протянула руку, прося у меня направление и перебивая наш с Глебом и без того короткий разговор.

– Проходите.

Внезапно к кабинету подбежала женщина с улицы и, буквально отталкивая мою ладонь, впихнула свою обменную карту в руки медсестры.

– Здесь очередь, вообще-то, – ахнула я и поморщилась: от женщины несло не только сигаретами, но и перегаром.

– А у меня на восемь сорок пять талончик, – нагло произнесла она и попыталась оттянуть вновь задрвшуюся майку.

– Ну так надо было вовремя приходить, – не унималась я.

Медсестра все это время разглядывала то меня, то женщину, то Глеба. Мужчина же хмурился и усиленно молчал. По его выражению лица было понятно, что это давалось ему с трудом.

– Проходите вы, – медсестра протянула вторую ладонь к моему направлению и тут же повернулась к мужчине, – пятьсот рублей, папочка, если хотите присутствовать, – ласково мурлыкнула она, захлопав при этом ресничками.

Вавилов просверлил ее взглядом и даже потянулся к карману джинсов.

Это было слишком. Я не удержалась и, повысив голос, спросила:

– Что значит пятьсот рублей? Там, – указала ладонью на стенд за своей спиной, – написано, что оплачивается присутствие свыше одного родственника, и не пятьсот рублей, а триста пятьдесят.

– Так, все ясно, – заговорил Вавилов, и то, с какой интонацией он это произнес, произвело впечатление на всех. По-прежнему спокойно и уверенно, но так, словно от этого “ясно” не поздоровится здесь сейчас всем. И разом к мужчине вернулась его давящая энергетика. Растерянность, в которой он пребывал как минимум последний час, пропала без следа. Глеб выхватил у меня обменную карту и направление, а второй рукой сжал мою ладонь и потянул меня на себя. – Пошли отсюда.

– Стой.

Бесполезно.

Вавилов покидал консультацию, таща меня за собой с такой скоростью, что я еле поспевала.

– Просто давай встретимся позже, – попробовала я его остановить уже у машины, – я сдам все анализы, и потом мы уже...

– Я потратил почти час своего времени впустую, – Глеб прожег меня взглядом и открыл дверцу автомобиля, – не вынуждай меня тратить время еще и на такие же пустые разговоры с тобой. Просто молча сядь в машину и не вздумай возвращаться в эту дыру.

Я решила, что лучше будет послушаться. В конце концов, у меня есть еще две недели на этот скрининг, правда теперь придется делать его платно.

Глеб достал из кармана телефон, нажал на нем что-то, поднес его к уху и тут же толкнул дверцу пассажирского сиденья. Но до того, как она успела захлопнуться, я услышала: «Привет, мам...»

Глава 7

Глеб

День назад

– Кто это? – за спиной раздался голос Алины, пока я смотрел вслед удаляющейся девушке.

Она показалась мне знакомой, но мозг никак не мог выхватить мелькающую на задворках сознания картинку. Девушка тем временем забежала в кабину лифта. Волнистые волосы, заколотые в хвост, подпрыгнули в такт движениям своей хозяйки, и я приглушенно выругался.

От всей души так.

Олеся.

Два месяца назад в баре она как минимум выглядела старше. А сейчас я бы поставил под сомнение даже факт ее совершеннолетия. Слишком юной она казалась, а еще напуганной.

Да твою ж...

Достал телефон и быстро нашел в списке контактов начальника своей службы безопасности.

– Слушаю.

– Алексей, сейчас в центральном офисе в лифте поднимается девушка. Собери мне на нее информацию.

– Глеб, у нас, конечно, стоят в лифтах камеры, но...

– Делай что хочешь, – перебил я мужчину. – Хоть всю охрану за ней отправь, пока она из зоны видимости не пропала, но чтобы утром я как минимум знал, где она живет. Ясно?

– Понял, Глеб Александрович.

Скинул вызов и выдохнул. Возможно, я перегнул. Алексей был на пятнадцать лет старше меня и ровно столько же он работал на нашу компанию и семью.

– Глеб, что происходит? – вкрадчиво спросила Алина, положив ладонь мне на плечо.

– Пока не знаю, – натянуто улыбнулся и двинулся к машине. – Поехали.

Довез Алину до дома, так ничего ей и не объяснив, и через час получил от Салитова сообщение с адресом Олеси и заверением, что завтра к обеду у меня будет вся остальная информация по девушке. Только вот отдохнуть нормально у меня не получилось: проворочавшись полночи, я пытался проанализировать новую информацию.

В слова Олеси не верилось, но в то же время я не понимал, какой смысл ей врать. Если она говорила об анализе, значит, его действительно можно сделать.

Потёр переносицу и, вытащив из-под головы подушку, накрыл ей лицо, надеясь, что так я перестану думать. Но вместо этого голову стали посещать воспоминания, подкидывая картинки одна откровеннее другой. Я почти десять лет не допускал случайных связей, только проверенные любовницы, желательно на более-менее длительный период, а в тот день не смог устоять. Забрел в обычный бар, желая отвлечься после изматывающих переговоров и не встретить знакомых, а в итоге за столик ко мне подседа зеленоглазая худенькая красотка с обворожительными кучеряшками и таким умопомрачительным размером груди, явно настоящей, что я решил забыть о собственных привычках хотя бы на ночь.

– Вот и забыл, – усмехнулся в подушку и вернул ее на прежнее место.

Если девушка действительно была беременна, и беременна от меня, то ничего хорошего из этого не выходило. Как минимум потому, что тут пахивало подставой.

Утром я впервые за долгое время опоздал на работу, точнее, решил вообще не ехать в офис, а отправился к Олесе, которая, как выяснилось позже, совсем не по счастливому обстоятельству как раз вышла из подъезда. Приедь я на пять минут позже, и мы бы разминулись, а она сделала бы в итоге УЗИ в той гребаной дыре.

Я ненавижу всевозможные больницы и поликлиники с детства, потому что именно там, на работе, все время пропадала мама.

Как раз ей я и решил позвонить, усадив девушку в машину. Даже если Олеся была аферисткой, то ей все равно нечего было делать в таком месте.

– Привет, мам.

– Милый, началась третья мировая, а я не знаю? – усмехнулась она в трубку.

– В смысле? – нахмурился я и посмотрел на Олесю сквозь лобовое стекло. Девушка внимательно меня изучала и, столкнувшись со мной взглядом, тут же опустила голову и начала разглядывать худющие коленки. Она опять выглядела жутко молодо, радовало лишь то, что не будь ей восемнадцати, вряд ли бы ей спокойно выдали направление на УЗИ. Хотя... Зажмурился и попытался вслушаться в мамину речь.

– Ты никогда не звонил мне в это время. С работы, – спокойно ответила она и уже серьезно добавила: – Что-то случилось?

– Ничего такого. Мам, скажи, у тебя есть в клинике гинекологи?

– Конечно.

– А те, которые УЗИ делают?

– Милый, УЗИ чего?

– Беременного живота, – выдал первое, что пришло в голову, – в смысле ребенка. В общем, те, кто по этому всему.

Я ненавижу плавать в какой-либо теме. А сейчас я не то что плавал – я тонул от недостатка информации.

– Глеб? Я должна знать что-то ещё?

– Нет. Пока мне нужно только УЗИ – какое-то там важное, где смотрят ребёнка на отклонения, – и кровь на...

– На генетику. Да-да. Это что же, у той блондинки, которую ты мне так и не представил, уже такой большой срок, а ты молчал?

– Мама, – рыкнул я, – при чём тут Алина?

Сама мысль о том, что моя нынешняя любовница могла быть от меня беременна, вызвала внутри стойкую неприязнь. Обернулся и опять посмотрел на Олесю. Ее же возможная беременность пробуждала во мне бурю всего, но только не отторжение. Мне хотелось для начала все прояснить, но негатива к девушке не было.

– Никто от меня не беременный, мам. Просто нужно помочь одной очень молодой девушке в тяжелой ситуации.

– Как скажешь, родной, – ласково ответила мама, – через час подойдет?

– Да, спасибо.

– Хорошо. Тест на определение отцовства нужен?

– Нужен, – усмехнулся, поражаясь маминой прозорливости, – у тебя и его можно сделать?

– Мы можем сделать забор биоматериалов, но придётся отправлять их в другую лабораторию.

– Хорошо. Я скоро приеду.

А сев в машину и бросив взгляд на худые ноги своей пассажирки, я первым делом задал вопрос, беспокоящий меня больше всего остального:

– Сколько тебе лет?

Сил ждать до обеда не было.

– Двадцать, – быстро ответила Олеся и посмотрела на меня округлившимися от удивления глазами.

– Двадцать? – переспросил, внимательно изучая тонкие черты ее лица и чувствуя облегчение.

– Да, семнадцатого апреля исполнилось двадцать, – тихо сказала девушка и, сглотнув, отвела взгляд. А я поспорить был готов, что мы оба в этот момент подумали об одном и том же: *в тот вечер* ей было девятнадцать.

Это же надо было так попасть. У неё же ещё совсем ветер в голове – и уже беременна.

Кивнул и завел машину, ответить Олесе было нечего. Мне по-прежнему не верилось в происходящее. Я не был против детей как таковых, но не так. Хотя прекрасно понимал, что в скором времени пришлось бы обзавестись женой, семьей и внуками для матери, которых она ждала уже лет десять, не меньше, но оттягивал эту необходимость. Не из-за того, что был законченным и убежденным холостяком, а просто потому, что не возникало у меня такой потребности. Женщины, с которыми я встречался, всегда были взрослыми и самодостаточными, и, возможно, каждую из них я изначально присматривал на роль будущей жены, но на этом все мои намерения и заканчивались. Четыре месяца – лимит всех моих отношений.словно в голове был спусковой крючок, и именно через сто двадцать дней это крючок превращался в стоп-кран.

Я включил радио и бросил секундный взгляд на Олесю. Она по-прежнему сжимала свои худые колени и, прикусив губы, смотрела в окно. Как я мог не разглядеть ее возраст? Сумасшествие какое-то, она сама под села ко мне за столик и была абсолютно другой. Открытой, веселой, раскованной. Она вела в нашем знакомстве. Даже ушла сама, хотя мне на тот момент меньше всего хотелось ее отпускать, потому что у меня действительно получилось расслабиться и выкинуть из головы переговоры с Астаховым, которые мы вели к тому моменту три недели. И никак не могли прийти к компромиссу. Что удивительно, на следующий день после встречи с Олесей этот контракт мы все же подписали. Потому я прекрасно помнил дату – четвертое апреля. Получалось, что, если Леся меня не обманула, у меня уже в этом году мог родиться ребенок. Или нет... в начале следующего.

В груди начало странно тянуть. Когда-то давно, абсолютно точно, еще в прошлой жизни, я тринадцатилетним пацаном обещал матери, что буду хорошим родителем и никогда не поступлю со своей семьей так же, как мой отец. Тогда у него родился сын и он развелся с матерью. Для нас это был тяжелый период. А еще через шесть лет отец погиб в автокатастрофе, завещав свою империю именно мне, несмотря на то что мы все это время даже не общались.

Сначала я подумал, что отец просто не изменил завещание, уверенный в том, что проживет еще лет сто. Но нет, младший брат был вписан в число наследников. А как иначе? Вавилов-старший обеспечил Артема и его мать деньгами на три жизни вперед. Но не оставил им доли в компании. Вторая жена отца даже пыталась судиться, и я чуть не психанул. В девятнадцать мне меньше всего хотелось подобных разборок и такой громадной ответственности. Но мама убедил меня в том, чтобы я собрался и отстоял волю отца. Так я и сделал, приумножив за последние четырнадцать лет активы компании отца втрое.

А теперь я смотрел на молоденькую девушку, сидящую в моей машине, и опять не знал, что мне делать.

Хотя для начала нужно было подтвердить факт беременности. Затем факт отцовства и лишь потом принимать решения. А все это самокопание выкинуть из своей головы на хрен.

– Ну что, пойдём? – отстегнул ремень безопасности и посмотрел на Олесю.

– Это частная клиника? – тихо спросила она, прищурив глаза.

– Да, пойдём делать тебе УЗИ, как ты и собиралась.

облизала губы и улыбнулась, впервые становясь похожей на ту самую девушку, чьему обаянию я поддался с такой легкостью два с половиной месяца назад.

– Спасибо тебе, – приглушенно добавила она. А у меня опять как-то странно зануло в груди.

Не тормозя у стойки регистратора, я отвел Олесю к тому кабинету, номер которого мне отправила в сообщении мама.

Постучал в дверь и, услышав приглашение, заглянул.

– Тамара Васильевна? – имя тоже значилось в сообщении.

– Да. Вы от Оксаны Борисовны? Проходите.

Я подхватил Лесю за локоть и завел в кабинет, уже собиравшись отступить назад, как услышал голос врача:

– Молодой человек, если вы собираетесь проходить, то наденьте бахилы.

Что же они меня все в кабинет-то зазывают?

Олеся напряглась настолько, что казалось, еще мгновение – и завитки ее волос в хвосте выпрямятся от испуга. Мисс-Кучеряшка, блин.

– Нет, спасибо, – кивнул врачу, но так и не смог сделать шаг к выходу. Олеся сжала своими тонкими пальчиками мое запястье, да так крепко, словно моя рука была карнизом, а девушка по чистой случайности сорвалась с окна и сейчас от силы этой хватки зависела вся ее жизнь.

– Все в порядке?

– Не уходи, – тихо произнесла она, смотря в этот момент на кушетку.

– Ты что, боишься? – спросил шёпотом, но все же потянулся к корзине с бахилами.

– Нет, – замотала Леся головой, – просто... просто... Я не знаю, как это объяснить, – ее голос задрожал, и я, кое-как одной рукой быстро расправившись с бахилами, повернул Олесю к себе. Она по-прежнему сжимала мое запястье, а в больших зеленых глазах стояли слезы.

– Так, давай только плакать не будем? Хорошо?

Мисс-Кучеряшка кивнула и прикусила губу, а затем выдала сто пятисотое за этот день “Спасибо”.

Когда Олеся легла на кушетку и ее попросили поднять подол платья, чтобы оголить живот, я сразу же отвернулся и уставился в большущий монитор, висевший под потолком. На черно-белом экране загорелось смазанное непонятное изображение, картинка постоянно дергалась и менялась, а врач диктовала своей ассистентке какие-то цифры. Пару раз женщина нажимала на кнопки, и из динамика начинал доноситься звук, похожий на бешеные удары сердца. Это же не могло быть оно? Или могло?

А потом картинка в очередной раз поменялась и на пару секунд зависла.

– Сделала вам фотографию, – ласково произнесла женщина, – так удачно малыш лег.

И да, там действительно был малыш. Не зародыш, который недавно был белым головастиком, не непонятный плод, как все его называли. На экране был самый настоящий маленький человечек, лежащий боком. Картинка пришла в движение, и стало видно, как ребенок задергал подогнутыми ножками. Бедолаге было там тесно. Однозначно. Он был так сильно согнут, одной его ручки я не смог разглядеть, а вторая была у рта. Он там что?

– Пальчик сосет, – рассмеялась Леся сквозь слезы, это было слышно по голосу. А потом так и вообще добавила нечто странное: – Как сестренка.

– Он действительно сосет палец? – переспросил я у врача, не веря увиденному.

– Да, а почему нет? – Женщина удивленно посмотрела на меня, приподняв тонкие черные брови. – Сосательный рефлекс развивается еще в утробе матери. В общем, все у вас хорошо. Но вот пола пока еще не видно. Я там ничего не разглядела, поэтому можно было бы предположить, что у вас девочка, но видно плохо.

Она еще что-то говорила, а я перестал ее слушать и воспринимать. Вновь повернулся к экрану, перед этим бросив короткий взгляд на оголенный живот Олеся. Меня словно оглушили, я пытался уложить в голове, что тот маленький карапуз, сосущий палец, живет в девушке, лежащей рядом на кушетке, и не мог. Это открытие было самым странным в моей жизни, самым тяжелым и одновременно простым. Воздух выходил из легких толчками, пульсация сердца отбивалась в ушах, а ладони вспотели, тогда как малыш продолжал безмятежно сосать свой пальчик.

Глава 8

Наверное, увидев, как моя крошка пыталась сосать свой пальчик, я наконец-то осознала, что опять беременна. Мариша тоже так делала, только не на первом скрининге, а на втором, а еще она постоянно икала, это было так хорошо заметно на экране и чувствовалось изнутри. Правда, в муниципальной поликлинике экран был в два раза меньше да и видимость не настолько четкая. А может быть, я просто забыла. Ведь это было чуть больше года назад.

После того как врач-узист закончила меня смотреть, мы с Глебом спустились на первый этаж, как позже выяснилось, в процедурную, где кровь взяли не только у меня, но и Вавилова.

– Устала? – слабо улыбнувшись, спросил он, выйдя следом за мной из кабинета и придерживая на сгибе локтя ватку.

– Нет-нет, – замотала я головой и растянула губы в улыбке. Надо было прекращать его бояться. Ничего плохого Глеб мне не сделает, это стало очевидно после его поддержки и после того, как он пошел со мной на процедуру УЗИ. – Знаешь, я уверена, что до сих пор стояла бы в очереди или только-только вышла бы из кабинета, – усмехнулась и попыталась вложить во взгляд и в улыбку всю свою благодарность.

Я прекрасно понимала, что мужчина мог отреагировать иначе... Совершенно иначе. Например, как Артем. Ведь я и его звала когда-то на УЗИ. По собственной глупости и наивности я надеялась, что он растрогается и изменит свое отношение. Я надеялась, что он пожалеет о том, что хотел избавиться от ребенка, и в какой-то момент своей жизни, наверное, была готова простить ему и это, лишь бы у моей крошки был любящий папа. Тогда же я и спустилась с небес на землю окончательно. Артем обозвал меня безмозглой дурой, узнав, что ребенок все еще во мне, и пригрозил, что ни копейкой не поможет.

«Больно надо», – решила я тогда и ни разу не передумала. Лучше я откажу себе в чем-то, чем возьму деньги у этого недомужчины. Только вот когда у Мариши резался первый зубик, я сильно испугалась и смалодушничала, не нужно было ему звонить. Никогда-никогда.

Глеб другой.

И, возможно, это было подло с моей стороны, но я радовалась, что попала в такую ситуацию именно с ним, что хотя бы моему второму ребенку повезло с отцом. Надеюсь.

У Вавилова шумно завибрировал телефон, и мужчина, хмуро посмотрев на экран, легонько приобнял меня за талию.

– Пойдем на улицу уже. Мне ответить нужно, – сказал он сухо, хотя и вовсе не должен был оправдываться передо мной.

На этот раз я села в большой черный внедорожник намного смелее и не сжимала ладонями колени от страха. Глеб даже не представлял, насколько важный и неоценимый поступок он сделал, пройдя вместе со мной в кабинет УЗИ.

Водительская дверь распахнулась, и мужчина залез внутрь, наполняя салон ароматом своего парфюма. Сейчас запах цитрусов и морской свежести действовал на меня расслабляюще. Я вдохнула глубже и на секунду прикрыла глаза. Это надо же было настолько накрутить себя, что даже не обратила внимания на запах мужчины прежде.

– Олеся, продиктуй мне свой номер, – хрипло проговорил Глеб, и я тут же вернула внимание к нему, выплывая из бесконечного вороха своих мыслей.

Я по памяти надиктовала свои цифры, глядя, как красивые длинные пальцы Глеба пляшут по экрану его телефона.

– Прости, у меня очень срочная встреча образовалась, и ее никак не отложить. – Мужчина запустил ладонь в волосы, ведя по ним пальцами, взъерошивая свою и без того беспорядочную прическу. – Я как освобожусь, тебе наберу, и мы обязательно поговорим, хорошо?

Вавилов удержал мой взгляд, словно дожидаясь согласия. Я кивнула, хотя считала, что мой ответ и так очевиден.

– Прекрасно, – тихо произнес он и, надев солнцезащитные очки, завел машину.

В дороге я украдкой рассматривала Глеба. Если, пока мы ехали туда, я боялась его реакции и потому даже не поднимала взгляда в его сторону, то теперь я вволю налюбовалась красивыми ладонями и загорелыми руками с рельефно очерченными мышцами и жгутами вен.

– Постарайся сегодня вечером ничего не планировать, – мягко попросил мужчина, припарковавшись у моего подъезда.

Я кивнула, слабо улыбнувшись, хотя хотелось во все зубы, потому что с трудом сдерживала восторг, боясь, что Глеб меня неправильно поймет.

Хотя как иначе?

Я, не осознавая того, начала на что-то надеяться. И даже сама про себя боялась озвучить появившиеся в моей голове мысли.

Домой я зашла на цыпочках и оказалась права: Карина тихо приоткрыла дверь комнаты и прошмыгнула в появившийся зазор.

– Где-то минут сорок спит, – прошептала подруга, потягиваясь, и начала отчитываться: – Плакала, только когда проснулась. Кашу поела хорошо, воду пила плохо. Молоко, которое ты сцедила, пить не захотела.

– Как всегда, – улыбнувшись, разулась и пошла в комнату.

Глянула на свою крошку, впитывая в себя ее умиротворенное выражение лица, и пошла на кухню. Карина не спешила уходить и ждала меня, сидя за столом. Глаза девушки блестели интересом, а ногти отбивали чечетку по стеклянной столешнице.

– Это ты? – ахнула я, только сейчас понимая, как именно нашел меня Глеб.

– Не мели чепуху. Я просто видела вас в окошко, – отрезала она тут же, – поэтому я понятия не имею, откуда он здесь взялся. Но хоро-о-ош. Как же хорош-то.

– Карина, – хотела произнести имя подруги со всей строгостью, но у меня не получилось. Я начала улыбаться, наверное как самая настоящая умалишенная.

– Боже, Леся! – воскликнула Карина и, тут же шуточно хлопнув себя по губам, продолжила шепотом: – Ну, не молчи же.

– Он отвез меня в какую-то частную клинику и сходил со мной на УЗИ.

– Ты смотри какой, не стал медлить и решил сразу все проверить.

– Наверное, – пожала я плечами, – мы сначала в женской простояли минут тридцать, потом он меня увел.

– А вот тут давай подробнее. – Карина напоминала сейчас самого настоящего вампиреньша, который требовал: “Крови! Еще крови!”

Ну я и рассказала все в самых мельчайших подробностях, вплоть до того, что чуть позорно не разревелась в кабинете УЗИ, когда не хотела идти на него одна.

А вечером я договорилась с Каришиной мамой, которая на днях вернулась из длительной командировки, чтобы она приглядела за Мариной. Если я возьму с собой дочу, то вряд ли мы сможем с Глебом нормально поговорить, а подруге надо идти в ночную смену.

К шести вместо того, чтобы вышить еще одну брошку, я привела в порядок свои вьющиеся волосы и уложила их красивыми локонами, нанесла на лицо тон и накрасила ресницы тушью. На боевой раскрас не походило, но выглядеть я стала милее и свежее.

Только Глеб не позвонил ни в шесть, ни в восемь, ни в девять. Даже на следующий день мой телефон душающе молчал.

Глава 9

Глеб

Раздался противный писк телефона, который раздражал каждую мою клеточку, а следом и голос секретаря:

– Глеб Александрович, к вам пришла Оксана Борисовна.

– А почему она стоит в приемной? – рявкнул и подорвался из-за стола навстречу матери.

– Она сама попросила вас предупредить, – долетел писк из динамика, но я уже дернул дверную ручку.

Мама сидела на диванчике и задумчиво разглядывала свои руки. Ох уж эта ее тактичность.

– Почему не предупредила, мам?

– Сама не знала, что так скоро все будет готово, – серьезно произнесла она, оглядев меня внимательным взглядом своих голубых глаз.

Я шумно сглотнул, надеясь, что моей внезапной растерянности никто не заметил, и, быстро пройдя через всю приемную, подал матери руку.

– Быстро, – произнес сразу же, как дверь за нами закрылась.

– Я после твоего звонка связалась со специалистами лаборатории и доплатила им за скорость.

Протянул руку, указывая маме на бордовый кожаный диванчик, стоящий близ небольшого столика, за которым я обычно обедал, когда задерживался подолгу в офисе. Она поморщилась и, мотнув головой, двинулась в сторону моего рабочего стола.

– Я ненадолго, – тихо произнесла мама, присев на стул, а я не стал возвращаться на свое место, прислонился к краю стола рядом с ней и, сложив руки на груди, начал за ней наблюдать. Она достала из сумки белый конверт и положила его на столешницу.

– Пф-ф, чистый белый конверт. Как-то это слишком театрально.

– Милый, – поморщилась мама, – не переигрывай. Можно подумать, что то, что происходит, не настолько театрально. А тебя смутил лишь белый конверт.

– Ты не права, – ненадолго прикрыл глаза, пытаюсь не поддаваться вспыхнувшему раздражению, которое меня не покидало уже двое суток. Ровно с тех пор, как отвез Олесю домой. Сперва это было свербящее чувство недосказанности и неопределенности. Чуть позже эти безобидные ощущения переросли в желание придушить одну завравшуюся дрянь. Иначе высказаться по поводу этой мошенницы я не мог. Двух мошенников. Двух.

В офис в тот день я так и не попал. После внезапной, но плодотворной встречи я вернулся домой, сходил в душ и, уже переодевшись, собирался звонить Лесе, но именно в этот момент заметил сообщение, прилетевшее на личную почту.

Информация о Сорокиной Олесе Игоревне.

Решив, что у меня еще есть время, взял макбук и приземлился на диван. Я надеялся узнать что-то полезное. А на деле уже второй абзац произвел на меня эффект разорвавшейся бомбы. Причем повреждены были лишь мои мозги и, кажется, что-то в груди.

Олеся была круглой сиротой, ее родители погибли в аварии, когда ей не было и четырех. Воспитывали ее дедушка и бабушка. Но теперь и их не было в живых – дед Олеси умер четыре года назад, бабушка два, как раз тогда, когда девушка оканчивала школу и ей уже было восемнадцать. Марина Анатольевна до самой смерти трудилась заведующей на кафедре в том же институте, куда поступила и Леся, но вместо того, чтобы перейти на второй курс, девушка ушла в академ.

– Очень интересно, – задумчиво потянул и продолжил чтение.

Двадцатого ноября прошлого года у Олеси родилась дочь.

Это предложение я перечитал четыре раза, так и не осмыслив его. Правда, когда увидел в графе отец знакомое имя, картинка сложилась. Все детальки выстроились сами собой: и почему незнакомка подседа именно ко мне, и почему она так быстро сбежала, и даже то, как она вдруг забеременела лишь от одного.

Раз-то был не один, и совсем не со мной.

Нестерпимо сильно захотелось поехать к девушке и вытрясти из неё всю правду, да только она действительно была беременна, а значит, с ней нужно обращаться аккуратно. Прижать к стенке Артема – идеальный вариант, но... Благоразумие взяло надо мной верх, я решил сначала все прояснить и только потом решать, что делать с нерадивым братцем, который нашел новый способ тянуть из меня деньги. Пришлось рассказать обо всем маме, точнее, выяснить у нее, насколько высока вероятность спутать ребенка брата с моим. Мама надо мной посмеялась и ответила, что такой вероятности нет, но в лабораторию нужно позвонить и предупредить, чтобы они сделали расширенный анализ. На всякий случай...

– Ладно, – тихо, но очень спокойно, будто призывая и меня к тому же – успокоиться, произнесла мама, прерывая поток моих воспоминаний. – Я пойду. Думаю, ты дальше сам.

– Стой. Тебе что, неинтересно? – Я тут же схватил конверт со стола и разорвал. Я ошибался, думая, что он весь белый, на нем была печать, видимо клиники, в которой делался анализ. – Слово секретные документы. Коды, шифры и пароли, – усмехнулся я и достал лист. Из написанного на нем я ни черта не понял – то ли не смог, то ли не захотел. Сунул бумагу маме в руки и тут же, обойдя стол, практически упал в собственное кресло. – Я думаю, ты должна в этом больше понимать.

Мама поджала губы и начала внимательно изучать бумагу. Да, она была недовольна. Еще бы. Ведь она уже успела нарисовать в своем воображении столько планов на будущего внука или внучку, а тут такой облом в виде Артемки.

– Что ж... Даже не знаю, поздравить тебя или нет, – сухо сказала она. – В такой ситуации трудно предугадать, – мама сложила листок вчетверо и задумчиво посмотрела на меня, – ты разговаривал с девушкой?

– Нет, – махнул головой и, облокотившись о стол, наклонился ближе к родительнице. – Что там? Я и так уверен, что... Но...

– Ты, Глебушка. Ты.

– Что я, мам?

– Отец ты, – этими словами мама напрочь лишила меня воздуха и поднялась с места.

– Все-таки... – ошалело протянул я.

– Да, твои предположения оказались неправильными. – Мама смахнула несуществующую пылинку с рукава. – Ситуация, конечно, неприятная, но я уверена, что ты должен поговорить с девушкой. И, кстати, вот, – она вжикнула молнией на боковом кармане сумки и выудила оттуда матовую визитку, – это один из лучших перинатологов в столице, было бы замечательно наблюдать беременность именно у нее. Она занимается более поздними сроками и также принимает роды, но мы можем и сейчас. Я договорюсь, если надо.

– А у тебя? – слегка заторможено поинтересовался, крутя в ладони полупрозрачный пластик. Далеко не каждый врач мог позволить себе такой вид визиток.

– У меня в клинике есть два гинеколога, ведущих беременности, и они отличные врачи, Глеб, но не лучшие. А это все же моя внучка, – жестко проговорила мама, словно все для себя уже решила, и явно не в мою пользу.

– Внучка? – усмехнулся я. За волевым маминым характером прятался нескрываемый оптимист.

– Я заказала исследование и на определение пола, – мама пожала плечами и впервые улыбнулась, – уж прости, что с его результатами ознакомилась без тебя. У тебя будет дочь, Глеб, – протянула она, словно примеряясь к собственным словам и получая от них удовольствие. Мама покинула кабинет, а я быстро ослабил галстук, затем снял его вовсе и расстегнул верхние пуговицы на рубашке, только это никоим образом не помогло мне сделать и вдоха.

Дочь. Моя. Моя дочь.

Немного отойдя, я все же договорился с врачом, координаты которого мне оставила мама, и дал себе еще один день на то, чтобы осмыслить всю ситуацию и подобрать пути для ее решения.

Пути, безобидные для всех.

Большого всего меня интересовал даже не тот вопрос, для чего они это все провернули, а почему у моей племянницы в свидетельстве о рождении была написана фамилия матери. Отчество моего брата, а фамилия не наша. Эта странность выбивалась из общей картинки. И мешала мне работать.

Выключил компьютер и покинул свой кабинет.

– Юля, меня не будет до завтра, – бросил секретарше и, чуть задумавшись, поправился: – Завтра приеду только после обеда. Поэтому перенеси все, что сможешь, Юль.

Спустился на два этажа ниже и направился к кабинету Салимова. Безопасник внимательно изучал какие-то бумаги и даже голову в мою сторону не поднял, когда я появился на пороге его кабинета.

– Леш, объясни мне знаешь что, – поинтересовался у него, устроившись в кресле напротив, – почему у Сорокиной Марины Артемовны фамилия матери? А в графе отец стоит ФИО моего брата.

– Заметил? – кивнул Салимов и, отложив бумаги, посмотрел на меня. – Так бывает, когда отец не подтвержден.

– То есть?

– Ну, когда мать не замужем и не предоставляет документы отца, в графе отец ставится либо прочерк, либо ФИО со слов матери, но они не имеют фактической силы.

– Алексей, напomini мне, сколько я тебе плачу? – Я подался вперед, сложив руки в замок, – Почему ты не подписал эту информацию сверху. Пометку не поставил?

– Я не думал, что это так важно.

– Издеваешься? На моего брата, возможно, повесели не его ребенка, а возможно...

– Он просто отлынивает от ответственности, Глеб, – устало перебил меня Алексей. – У меня к тебе встречный вопрос: ты помнишь, где твой брат учится?

– Его все еще не отчислили? – недовольно скривился, вспоминая, какими путями Артем поступил.

– Нет, Ольга проплатила ему каждый год обучения и до сих пор приплачивает в деканат. Лишь бы он там продержался.

– Ладно, – кивнул я, – тогда к чему вообще этот вопрос?

– Они учились в одной группе, пока Сорокина не ушла в академ. Вряд ли она стала бы записывать в графе «отец» твоего брата, если бы родила не от него.

– Выясни это. Только не догадки и сплетни, а точно, Леша.

– Это настолько важно? – вкрадчиво спросил мужчина, не отпуская моего взгляда. – Я думал, что ты давно разорвал все контакты с Артемом и Ольгой.

У меня не было близких друзей. В институте вместо того, чтобы кутить с однокурсниками, я пытался не потопить бизнес отца и без помощи Салиева в тот момент не справился бы. Возможно, я мог бы назвать его своим другом, если бы тот не работал на меня. Но я позволял ему намного больше, чем другим, в частности панибратское обращение на «ты», и сейчас я ответил ему предельно откровенно.

– Сорокина, Леш, беременна, – спокойно произнес я, – на этот раз от меня, – слова дались на удивление легко – видимо, я наконец-то принял сложившуюся ситуацию. – Информация точная и проверенная, в отличие от твоей. Поэтому будь добр, узнай все так, чтобы я не носился по всей Москве, строя догадки. И не лыбься так! – не сдержался я. Слишком уж дурацкая и одновременно довольная улыбка появилась на лице мужчины.

Уже в машине я написал Олесе сообщение:

«Будь готова завтра к восьми утра. В девять у нас прием у врача. Глеб».

Ответного сообщения не пришло, и я решил, что в данном случае молчание было знаком согласия. По пути домой все же решил заехать к Артему.

– Крайне неожиданно, – растянула губы в лицемерной улыбке вторая жена отца, встречая меня на пороге.

Ольге было всего сорок, но выглядела она отвратительно. Надутые, как два вареника, губы, явно приклеенные длинные белые волосы и лицо, натянутое чуть ли не на жопу. Она даже моргала как-то заторможенно, настолько были притянуты ее глаза к ушам.

– Я к Артему, – произнес, игнорируя любые приветствия.

– Он на неделю уехал за город. День рождения будет отмечать там же, – сухо произнесла женщина, когда поняла, что любезничать я с ней не буду.

– Ясно, – кивнул и, сделав шаг назад, все же спросил, мне действительно было интересно: – Ты то хоть знаешь, что бабушкой стала?

Лицо Ольги вмиг перекошило так, что у меня возникло единственное желание – развидеть. Если такое чудовище ночью приснится, то можно остановку сердца от испуга схлопотать. Женщина сложила руки, подпирая свою изрядно увеличившуюся с нашей прошлой встречи грудь.

– Эта дура что, к тебе заявила? – прошипела мать моего брата. – Глеб, не верь ни единому ее слову. Она моего Тёмочку чуть не окрутила. Он почти полгода ходил вокруг нее, высунув язык и слюной капая.

– И? – приподнял удивленно брови и отзеркалил жест родственницы, также сложив руки на груди. – Что же пошло не так?

– Она попыталась его затащить в ЗАГС, представляешь? – женщина почти взвизгнула. – Хорошо, что у Артема вовремя проснулся инстинкт самосохранения и он перестал общаться с этой сироткой.

– Значит, это теперь так называется? – мотнул головой, пытаюсь стряхнуть с себя вонь, которая исходила от слов женщины. – Инстинкт самосохранения? А ребенок?

– Да соврала она ему с три короба. Не было никакого ребенка.

– Это тебе Артем сказал? Или ты сама придумала?

– В общем, так, Глеб, – отчеканила блондинка, понизив голос, и, откинув длинные белые волосы за спину, шагнула в подъезд, – кажется, ты не хотел идти на контакт с нами, так вот и сейчас не лезь. Понял? Это не твое дело. И нечего делать из нас монстров.

Я шуточно поклонился, разведя руки в стороны, и, промолчав, двинулся к лифту. Кое-что становилось понятно. Но если Олеся не общалась сейчас с Артемом, то поверить в случайность было тяжело. Не бывает таких совпадений.

Утром к дому Олеся я приехал на пятнадцать минут раньше. Ровно в восемь ноль-ноль набрал номер девушки, но она меня скинула. Повторил вызов, и его постигла та же участь.

Прекрасно.

Залез в электронный файл с информацией об Олесе, болтающийся на почте, посмотрел номер квартиры и вышел из машины. Домофон на входной двери был неисправен, и я сразу двинулся на второй этаж, перешагивая за раз по несколько ступенек.

Перед тем как позвонить в дверь, предпринял последнюю попытку дозвониться до девушки, но все без толку, она меня опять скинула, и я со злости с силой вдавил палец в кнопку

звонка, не отпуская и совершенно не думая о том, что в квартире был маленький ребенок, который мог спать. Три скинутых вызова вывели меня из себя сильнее, чем сведения, красовавшиеся в свидетельстве о рождении Олесиной дочери.

Глава 10

На экране телефона начал мигать уже второй входящий вызов, и я его сбросила, продолжая укачивать дочь. Мариша жадно глотала молоко, присосавшись к груди, но засыпать не спешила.

– Ш-ш-ш... Спи, моя хорошая, – произнесла шепотом и, поднявшись с дивана, начала подкачивать ее на руках. Марина прикрыла глазки на пару секунд, затем опять их распахнула и начала меня внимательно рассматривать, продолжая делать шумные глотки.

Телефон, оставшийся на ручке дивана, завибрировал вновь, и я, с трудом дотянувшись до него, нажала на отбой. Практически сразу же послышался дверной звонок. Словно тот заело – громкий раздражающий звук никак не прекращался. Я попыталась отнять Марину от груди, все равно доча еще не спала, но она вцепилась в нее сильнее, не отдавая, даже ладошками сжала ее и, кажется, готовилась вот-вот в случае неудачи заплакать.

Дверной звонок все еще шумел, и я начала подозревать, что его не заело, а просто пожаловал кто-то настырный. Тот, кто оставил уже три пропущенных на телефон. Еще раз посмотрела на дочь, та внимательно меня разглядывала и даже молоко стала глотать тише.

– Сам виноват, – грозно выпалила я, скорее, самой себе и пошла открывать.

Подойдя к двери, приподняла колено, переноса на него часть веса малышки, отняла от нее руку и щелкнула замком, тут же вернула руку на место, опустила ногу и, недовольно буркнув:

– Закроешь сам, – поспешила скрыться в квартире, пока Глеб ничего не успел разглядеть. Но, судя по тому, насколько зависшим выглядело его лицо, мужчина успел рассмотреть все, что мог.

Опустившись на диван, я заметила, что Марина прикрыла глазки, – видимо, мои хождения по квартире с ней на руках успокоили ее. Погладила дочу по темным волосикам и поняла голову

Вавилов стоял на пороге комнаты и все еще смотрел на меня как баран на новые ворота. Я недовольно качнула головой, надеясь, что он заметит это движение. Но куда там. Все его внимание было сосредоточено куда ниже моей головы. Мужчина не то что смотрел, он пялился на то, как Марина пила молочко. Для полноты картины Глебу не мешало открыть рот так, чтобы челюсть упала на пол, как во многих американских мультиках.

В этот момент я ни капельки не боялась мужчину – то ли дело было в том, что мы находились на моей территории и в такой дурацкой ситуации, то ли в том, что я смирилась с тем, что он не позвонит, и, отпустив это, поняла, что мне не было смысла его бояться. Ну в конце концов, что он мог сделать? Это только в скандальных телешоу олигархи отбирали детей у своих любовниц. А тут... Если он не звонил, то и ребенок ему не особо важен... Я успокоилась за эти дни.

И вот Вавилов здесь. Впору опять начинать бояться, но глупый вид мужчины никак мне в этом не помогал. Глеб бесшумно сглотнул, но его кадык дернулся с такой силой, что по моим рукам побежали мурашки.

Брысь, предательницы.

Дочь наконец-то насытилась молоком и, расслабившись, выпустила изо рта свое любимое лакомство. Она уснула. Теперь нужно было ее переложить в кроватку. Я опять подняла голову, на этот раз взгляд мужчины буквально бегал по моему лицу. Глеб часто дышал и выглядел потерянно.

– Выйди, – шепнула я тихо, практически одними губами, но он услышал.

Либо просто увидел, кивнул и, резко развернувшись, покинул нашу с Маришей комнату.

Я аккуратно переложила дочь в кроватку, накрыла ее одеяльцем и, защелкнув лифчик для кормления, запахла полы халата на груди. Тут же затянула пояс и, глубоко вдохнув, приложила ладони к щекам, те горели настолько сильно, что я, наверное, была похожа на помидор. Легонько похлопала себя по лицу и вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Вавилов дождался меня на кухне, на Каришином месте, и крутил в ладонях панду, вышитую сегодняшним утром.

– Красиво, – задумчиво протянул он, не оборачиваясь.

Как только услышал, что я на кухню зашла?

– Спасибо, – быстро ответила и юркнула вглубь помещения мимо мужчины. Слишком тесно здесь было вместе с ним. – Может быть, чай? – вежливо поинтересовалась, набирая в чайник воды.

– Нам пора, – сипло и почти по слогам произнес мужчина.

– Ты же видел, – я развернулась, оставив чайник на краю раковины, – я не одна. И я не могу никуда сейчас пойти.

Глеб кивнул, продолжая изучать черно-белую панду.

– Где ее отец? – спросил мужчина, и я заметила, как крепко он сжал челюсти после этого вопроса. Не мог же он подумать, что?

Че-е-ерт...

– У нее нет папы, – затараторила я, словно оправдываясь, – и никогда не было. Он поучаствовал в ее создании и один раз даже потрудился на нее взглянуть – кажется, когда ей было три месяца. – Я не понимала, зачем все это несла почти незнакомому человеку, но чувствовала какую-то отчаянную необходимость перед ним оправдаться.

Глеб перестал разглядывать брошку и поднял голову, его тяжелый взгляд ненадолго задержался на моем лице, а затем мужчина еле слышно произнес:

– У тебя вода проливается. – И, кивнув за мою спину, отвернулся.

Черт.

Хлопнула ладонью по выключателю, вылила лишнюю воду из чайника, оставив лишь половину. Поставила его на подставку и включила, затем схватила голубую бамбуковую тряпочку для посуды и начала ей смахивать воду в раковину. Руки подрагивали, а вместе с ними дрожала и тряпочка. Вместо того чтобы выжать ее, я кинула ее комком на дно раковины и уперлась ладонями в столешницу, опуская голову и прикрывая глаза.

Я слишком разнервничалась. На пустом месте. Не нужно было вспоминать про Артема. Да еще и так много.

– Успокойся, – тихий шепот прозвучал у моего затылка.

Глеб незаметно приблизился и встал за моей спиной. Он бесцеремонно приобнял меня и, когда я уже хотела начать возмущаться, опустил ладонь на мой живот. Я вздрогнула и сжала дрожащие губы. Если бы и захотела сказать что-то – не смогла бы. В глазах мгновенно стеной встали слезы и, как бы я ни моргала, они не пропадали. Воздух начал обжигать легкие так же, как и горячее дыхание мужчины мой затылок.

Когда я носила под сердцем Маришу, мой живот никто не трогал, кроме лучшей подруги. Лишь я грела свою девочку теплом рук, а теперь большая мужская ладонь лежала, не двигаясь, на моем еще совсем маленьком животике и тоже грела. Не только моего малыша, но и мою душу. Я так ясно ощутила это и не могла заставить себя прекратить лить слезы. Не справившись, тихо всхлипнула, на что мужчина спокойно и низко произнес:

– У нас будет сын.

– Ч-что? – произнесла, с трудом разомкнув соленные от слез губы.

– Мальчик, Олеся, – повторил Глеб и, убрав ладонь с моего живота, сделал резкий шаг назад.

– С чего ты взял? – Я еле разжала пальцы, которые, казалось, намертво приросли к столешнице, и смахнула набежавшие слезы.

– По анализу генетическому. Ты же кровь сдавала. Кружки здесь? – задал он тут же вопрос, постучав по дверце ящика, находящегося сейчас прямо над моей головой.

– Д-да. Сейчас, – сказала, опомнившись, и тут же сама открыла дверцу и достала из нее чашки, – Чай или кофе? – почти ровно спросила, по-прежнему не глядя на мужчину. Он был где-то там, за моей спиной. Я слышала его шумное дыхание, ощущала давящую ауру, но не видела, и от этого было чуточку легче взять себя в руки после случившегося.

– Чай, обычный черный. Если есть. Без сахара.

– Да-да, конечно, – мысленно отправила «спасибо» Карише, которая только утром заварилась свежую заварку. Она же и подарила мне красивый заварник, мотивируя это тем, что только самоубийцы пьют пакетированный чай. Я ее не понимала. Были весьма приличные марки чая в пакетиках, в которых была не пыль, а действительно хорошая заварка. Но почему-то именно сейчас, четко осознавая положение Вавилова, я решила, что он не станет такое пить.

Налила заварку в кружку, затем кипяток и, быстро развернувшись, шагнула к кухонному столу. Глеб уже сидел за ним.

– Сейчас, я это все уберу, – начала быстро хватать разбросанные на столе пакетики с разноцветным бисером и стразами и беспорядочно закидывать их в свой чемоданчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.